

РУССКОЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МЕНЬШИНСТВО ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1990-е ГОДЫ

Владислав Волков

Предпосылки складывания русского лингвистического меньшинства Латвии.

На территории Латвии столетиями проживало население, чрезвычайно пёстрое по своему этническому составу. Особенно эта пестрота усилилась со второй половины 19 века, когда буржуазная модернизация требовала привлечения капитала и рабочей силы. Из внутренних губерний России на территорию современной Латвии, и прежде всего в крупные портовые города, стали прибывать десятки тысяч людей, и к моменту Всероссийской переписи населения 1897 года здесь жило 1,9 млн человек, из них 232,2 тыс. русских (12% населения латвийской территории). В послевоенный период число русского населения ещё больше увеличилось - до 905 тыс. в 1989 году.¹ Наиболее быстро рост русского населения происходил в Риге, что создавало здесь плотную русскую коммуникационную среду. Так, если в 1806 году число русских рижан составляло 5 тыс. человек (15% всего городского населения), то к 1913 году оно выросло до 108 тыс. (более 22% всех рижан)². Во вторую половину 19 века – первые десятилетия 20 века прежде всего в Риге возникает и целая сеть разнообразных русских общественных организаций, гимназий, училищ, газет, появляется профессиональный театр, а с 1905 года формируются политические партии. Процесс создания культурных, общественных и политических учреждений русского населения продолжился, правда с большими издержками, и в годы Латвийской Республики в 1918-1940 годы.

Волков Владислав Викторович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой Института Менеджмента Информационных Систем (г.Рига, Латвия).

Важнейшим условием для формирования лингвистической идентичности русских на нынешней территории Латвии стало складывание их гуманитарной и интеллектуальной культуры. В ее создание внес неоценимый вклад Ю.Самарин, служивший некоторое время в Риге. В его работах «Письма из Риги», «Окраины России» отстаивается идея особой идентичности прибалтийских русских, отличающейся от балтийско-немецкой идентичности. Выдержки из работ Ю.Самарина, И.Аксакова, М.Погодина, Н.Данилевского и других теоретиков славянофильства постоянно воспроизводились газетой «Рижский Вестник», выходившей в 1869-1916 годы. В статьях этих авторов на смену привычному для тогдашнего русского общества религиозному и сословному дискурсу приходил национально ориентированный дискурс, который на основе государственной и языковой общности способен был интегрировать религиозные и классовые различия в русской среде.

Своего рода проверку эта лингвистическая идентичность русского общества на территории Латвии прошла в эпоху, начатую революционными потрясениями 1905-1907 годов. Хотя русские рижане не смогли объединиться в одну авторитетную политическую партию, все же наиболее популярной среди них стала Конституционно-демократическая.³ (Именно от этой партии русское население Риги единственный раз смогло провести депутата в IV Государственную Думу). Русские либералы были убеждены, что будущее русского населения в Прибалтике зависит не от правительственной опеки, как на том настаивали деятели из местного отделения «Союза 17 Октября», а именно от развития усилиями самих местных русских и людей русской культуры тех социальных и культурных учреждений, которые функционируют на основе русского языка.

В годы Латвийской Республики 1918-1940 годов лингвистическая идентичность русского населения во многом стала обуславливаться правовым статусом русских как национального меньшинства, а также границами культурной автономии. Русские рижане, а их в столице независимой Латвии проживало примерно 60 тыс., смогли создать интенсивную культурную жизнь (драматическое и балетное искусство, живопись, научные и фольклорные исследования, газеты, журналы и т. д.). Постепенно происходила лингвистическая национальная консолидация русских политических партий: если за них в 1920 году на выборах Учредительного собрания голосовало 1,9% электората, то в 1931 году на выборах IV Сейма – 6,7% при десятипроцентной доле русского населения в довоенной Латвии. Потребность в развитии

лингвистической идентичности была доминантой политического сознания русских. Так, например, в 1925 году русские депутаты внесли в Сейм законопроект о расширении русской культурной автономии, который предполагал использование русского языка на почте, телеграфе, в судебных органах, органах государственной власти и самоуправлениях. Законопроект стремился добиться государственного финансирования для всех русских школ, в которых учатся не менее 60 человек.⁴

В советское время государство ускоренными темпами создавало политико- правовую и социальную инфраструктуру на русском языке. Но при этом латвийские русские не могли вырабатывать собственной идентичности, обладающей своеобразием по отношению к общегосударственной идентичности. Из общественного сознания всячески устранился слой актуальной информации об истории и культуре местных русских периода Российской Империи и Латвийской Республики.

С началом демократических преобразований в Советском Союзе, а также в годы восстановленной независимости Латвии с 1991 года русские также восстановили право на самоидентификацию. Причем в отличие от времен Латвийской Республики 1918-1940 годов этот процесс происходит для местных русских при значительно более тесном контакте со всем русским этносом. Общее демократическое пространство России и Латвии облегчает русской диаспоре складыванию контактов с исторической родиной.

Идентичность русских в Латвии несет не только этнический аспект, но и национальный, отражающий комплекс правовых, политических и иных факторов, без которых не понять специфики латвийских русских. И в период существования Латвийской Республики в 1918-1940 годах, и с 1991 года всегда большое значение здесь придавалось разработке моделей регулирования отношений между латышами и другими национальностями страны. В целом эти модели сводятся к признанию и закреплению в законодательстве, а также в общественном сознании идеи взаимосвязи национального государства и национальных меньшинств. В Латвии утвердилось центрально-европейское понимание сущности национального меньшинства, которое в отличие от англо-американского не сводит его к “дискриминируемой общности”.⁵

Русское население Латвии и в довоенный период и после восстановления независимости этой страны позитивно относилось к правовым и фактическим возможностям своего статуса¹ как национального меньшинства: отказываясь от политического сепаратизма, русские ожидали от государства гарантий сохранению национальной идентичности, а также равных с латышами возможностей доступа к экономическим и культурным ресурсам латвийского общества и государства.⁶

Однако, юридические и социально-культурные возможности статуса национального меньшинства русскими Латвии осознавались не сразу и не в полном объёме. Это понять вполне можно: сильная инерция прежних идентификационных традиций, связывающих русских любого региона Российской империи и СССР с государственностью, имевшей цивилизационное наполнение, для многих служила психологическим барьером почувствовать себя “национальным меньшинством”. Поэтому, кроме объективных обстоятельств правового, политического, идеологического свойств, способствовавших адаптации русских Латвии к статусу “национального меньшинства”, само русское население вырабатывало внутренние механизмы самоидентификации с этим статусом. Такой процесс происходит с русским населением и в современной Латвии, причём, на наш взгляд, русские как национальное меньшинство ЛР складываются как лингвистическое меньшинство страны.

Существуют несколько причин, почему русские в адаптации к статусу национального меньшинства опираются как раз на возможности лингвистической идентичности. Из всех элементов культуры, именно язык обладает, по мнению Э. Сепира, наибольшими коммуникационными возможностями для складывания общности.⁷

Русские Латвии характеризуются и иными, кроме русского языка, средствами этнокультурной консолидации, например, развитыми религиозными традициями православия и особенно старообрядчества. Однако по сравнению с потенциальными возможностями религиозной общности, языковая общность обладает самой большой степенью универсальности. Выбор лингвистической идентичности определяется не только длительными традициями коммуникации в привычной среде, но и тем, что в такой идентичности русские видят способ самоорганизации перед лицом вызовов и латвийского национального государства, и современного информационного общества.

На данный момент предпосылки структурирования русского национального меньшинства как лингвистического по сравнению с другими национальными меньшинствами Латвии наиболее предпочтительны. Если белорусы, украинцы, поляки, ассимилированы другой национальностью (прежде всего русскими) и для них характерна ситуация, когда лингвистическое меньшинство по объёму меньше национального меньшинства. В то время как для русских в Латвии (как и для латвийских немцев 1918-1939 годов) характерна ситуация, когда национальное меньшинство практически полностью включается в “свою” языковую общность, но которая, в свою очередь включает и представителей других национальных групп. Графически варианты соотношения национальных и лингвистических групп Латвии можно представить так:

Русская лингвистическая общность в период восстановленной Латвийской Республики с 1991 года продолжила традицию создания инфраструктуры, функционирующей на русском языке - национально-культурные общества, национальные начальные и средние школы, высшие учебные заведения, средства массовой информации, учреждения культуры русских в Латвии, а также сеть учреждений, ретранслирующих русскую культуру из Российской Федерации и других стран, объединенных условным, но популярным сейчас понятием “русский мир”: телевидение, радио, множество книжных магазинов,

специализирующихся в основном на изданиях на русском языке (сети магазинов “Русская книга”, “Полярис”), бесконечная череда гастролей творческих коллективов из России. Хотя при этом, как с тревогой отмечают лингвисты, в Латвии отсутствует полноценная русская языковая среда, расшатываются литературно-языковые нормы, обедняется словарный запас русских и т.д.⁸

Защита статуса русского лингвистического меньшинства диктуется потребностью легализовать и институализировать социально-культурное пространство, функционирующее на русском языке (систему образования, коммуникативную среду частной жизни в семье, деловом общении, бизнесе, топонимику, аутентичность перевода русских этнонимов, прежде всего личных имен и фамилий на латышский язык и т.д.), а также преодолеть попытки части официальных структур лимитировать свободное функционирование русской культуры (прежде всего в системе образования) главным образом набором фольклорных сюжетов. Статус лингвистического меньшинства фиксирует принадлежность русского национального меньшинства к миру всей культуры, функционирующий на русском языке (науки, искусства, политического и правового сознания и т.д.). Понятно, что легитимация такого статуса русских в Латвии требует качественных подвижек в развитии демократии в стране.

Демографическая основа русской лингвистической идентичности.

Естественной предпосылкой лингвистической идентичности русских выступает плотность языковой среды, которая формируется компактностью проживания в некоторых регионах Латвии (Рига, Даугавпилс, Лиепая и др. крупных городах, а также в некоторых районах Латгалии), ориентацией на заключение национально или лингвистически однородных браков.

К 2000 году происходит серьезное численное сокращение русской общины по сравнению с 1989 годом – с 905,5 тыс. до 782,5 тыс. или на 14%.⁹ (1990 годы вообще отмечены для Латвии глубоким и продолжительным демографическим кризисом, а также самой высокой по сравнению с другими прибалтийскими странами – Литвой и Эстонией – эмиграцией представителей национальных меньшинств. С 1989 по 2000 год все население Латвии сократилось на 9% , с 2666 тыс. до 2424 тыс., в том числе латышское население сократилось на 3%). А в следствии миграции население Латвии сократилось на 134,0 тыс. человек.¹⁰ Сейчас численность русского населения Латвии соответствует тому уровню, который приходился на середину 1970-х годов.

Внутри этих динамических процессов, изменивших и изменяющих число

русских в Латвии наметились и некоторые стабилизационные особенности, которые безусловно отражаются на всей национальной жизни русских, так и скажутся на характере межнациональных отношений в Латвии, учитывая высокую долю русского национального меньшинства в стране, в несколько раз превышающего число всех остальных меньшинств (белорусов, украинцев, поляков, литовцев, евреев и др.) вместе взятых.

Среди стабилизирующих демографических факторов следует прежде всего назвать явное затухание эмиграции русского населения из Латвии. Так, в целом по Латвии, отрицательное сальдо миграции в 1992 году составило почти 47 тыс. человек (это пик эмиграции и самое крупное годовое сокращение населения со времен второй мировой войны), а в 1999 году – 1,8 тыс. Успехи страны в реформировании экономики явились главным фактором сокращения отрицательного сальдо миграции.

Вторым важным фактором, стабилизирующим число русского населения служит соотношение долей эндогенных и экзогенных браков, а также отношение русских к созданию национально-смешанной семьи. Русские сохранили потребность в заключении эндогенных (национально однородных) браков, которая была характерна для местных русских и времен Российской империи, и Латвийской Республики 1918-1940 годов, и СССР. В 1999 году 6177 русских вступило в брак, причем 3600 русских создали национально однородные семьи (58,3% всех заключенных русскими браков). Русские Латвии наряду с латышами ориентируются на заключение эндогенных браков, в то время как другие крупные национальные меньшинства (за исключением цыган) ориентированы в основном на экзогенные браки. У белорусов, украинцев, поляков, литовцев, евреев в Латвии в 1999 году доля экзогенных браков составила 85% - 95% всех заключённых браков людьми этих национальных групп. Причём именно с русскими некоторыми национальностями в Латвии заключили в 1999 году самое большое число браков:

- белорусы 55,4 % ;
- украинцы 53% ;
- поляки 50% ;
- евреи 53% .¹¹

(Литовцы Латвии также ориентируются на заключение браков с русскими, хотя и немного реже, чем с латышами). Таким образом, русские в Латвии и через 10 лет после обретения страной независимости, остаются одним из двух национально консолидированных этносом, создающим вокруг себя этнокультурное пространство.

Но если эта особенность происходит из советского и имперского прошлого, то за десятилетие независимости отчётливее стал проявляться новый

фактор, стабилизирующий положение русского населения в Латвии. Общей тенденцией в условиях демографического кризиса является повышение доли экзогенных браков у всех национальных групп, включая и латышей, отражённых в статистике. Для русских с 1990 по 1999 год доля вступивших в межнациональные браки возросла:

- для мужчин с 36,0% до 39,9%,
- для женщин с 38,0% до 43,4%.

При этом среди русских и латышей заметна тенденция заключения русско-латышских браков. Если в 1992 году доля латышей, вступивших в брак с русскими, составила 11,5%, то в 1999 году – 13,4%. Доли русских, вступивших в брак с латышами, за эти годы составили соответственно 16,3% и 22,1%. При этом и латыши, и русские за 1990 годы экзогенные браки стали заключать чаще всего друг с другом. Если в 1992 году доля латышей, вступивших в брак с русскими, по отношению ко всем латышско-смешанным бракам составила 62,2%, то в 1999 году – 67,7%. Доля русских, заключивших в 1992 году браки с латышами по отношению ко всем русско-смешанным бракам составляла 44,8%, в 1999 году – 53,0%.¹²

Эти этно- демографические тенденции отражают неизбежный процесс интеграции латвийского общества, так и стремление сохранить лингвистическую консолидированность русского населения в Латвии.

Динамика национального сознания русских Латвии 1992 – 2000 годы: проблема идентичности

Русский язык - важнейшая унаследованная (примордиальная) черта русского населения - лишь в ходе исторического периода 1990-х постепенно становится важнейшим маркером идентичности русского национального меньшинства Латвии. Фактически, русское национальное меньшинство страны - это лингвистическое меньшинство. Для подтверждения этой мысли автор провел исследование публикаций двух самых популярных общенациональных изданий Латвии на русском языке - газет "СМ –сегодня" ("Вести сегодня") и "Панорама Латвии" за 1992 год (первый полный год, когда Латвия стала развиваться как независимое государство после восстановления его в августе 1991 года) и за 2000 год. В качестве источников исследования служили публикации, которые прямо или косвенно затрагивали проблемы русского населения Латвии.

В результате отбора публикаций, сравнения их содержания весь их объем распределился по темам:

I. Русский язык в Латвии, его положение и официальный статус, возможности получения образования (начального, среднего, высшего) на родном русском языке;

II. Гражданство ЛР и национальные меньшинства;

III. Права национальных меньшинств в целом, проблемы регионов Латвии с преимущественно русским населением;

IV. Общественные и политические организации русских в Латвии;

V. Возрождение русского национального сознания и культуры, гражданская сплоченность русского населения;

VI. Геополитический контекст присутствия русских в Латвии;

VII. Необходимость интеграции латвийского общества и позиция русского населения; государственный и территориальный патриотизм русских в Латвии;

VIII. Национализм в практике ЛР, партий, общественных организаций, проблемы русофобии в латышском обществе.

Количественные показатели по этим темам следующие: за 1992 год приходится 235 публикаций, за 2000 год - 173. В приводимой таблице показаны доли публикаций в процентах от общей совокупности тем, затрагивающих положение русских в Латвии.

Тема	1992 год	2000 год
I	14,9 %	52,6 %
II	14,0 %	4,3 %
III	8,2 %	9,8 %
IV	5,9 %	6,3 %
V	9,0 %	4,3 %
VI	2,6 %	5,2 %
VII	0,6 %	3,6 %
VIII	44,8 %	13,9 %
Всего	100 %	100 %

Как видно из приведенной таблицы произошла заметная переориентация национального сознания русских Латвии за период 1992 - 2000 год. Суть этой переориентации можно выразить так: в национальном сознании произошел

качественный рост интереса русских к проблемам своей языковой идентичности, ее социальным, личностно-психологическим возможностям в современной Латвии (см. позиция № I). Если в 1992 году доминировали публикации, отражающие нравственный и психологический шок от встречи с новой реальностью (Закон о гражданстве 1991 года, который предоставил его гражданам ЛР 1918-1940 г.г. и их потомкам, но не приехавшим в Латвию за послевоенный период и др.). Это в основном были статьи о латышском национализме, его влиянии на политику государства. По сути, такого рода публикации отражали потребность сознания русских идентифицировать новую идеологическую и политическую реальность, чем идентифицироваться самим в такой реальности.¹³ Потребность самоидентификации как лингвистического национального меньшинства - это продукт предпринимаемых в течение последних десяти лет попыток использовать демократические инструменты для самоутверждения себя в Латвийской Республике.

Мысль о том, что потребность в самоидентичности постепенно приходит на смену потребности в идентификации внешних социальных и политических условий новой жизненной реальности для русского населения в Латвии, была подтверждена сменой соотношения за 1992 – 2000 годы характера идентификационных маркеров, встречающихся публикациях по темам о положении русских. Авторы публикаций воспроизводили ситуации, когда русская идентичность принималась русскими людьми:

1. Добровольно, т.е. в ней содержатся позитивные возможности для социализации в Латвии;
2. Принудительно, т.е. когда русская идентичность воспринимается как навязанная извне в форме стигмы, набора негативных психологических качеств; (Характерное название статей о русских в Латвии: “ Опять под колесом истории ”, “Мы не пыль на ветру ” и т.д.);
3. Статьи, в которых переплетались обе указанные выше модальности.

Ниже в таблице приводятся доли отношения к русской национальной идентичности от совокупности всех публикаций по вопросам о положении русских в Латвии.

Характер восприятия русской идентичности	1992 год	2000 год
Добровольный, позитивный	11,2%	28,1%
Принудительный, негативный	80,2%	56,9%
Добровольно – принудительный	8,6 %	15,0%

Падение за 1992 – 2000 годы числа публикаций, где преобладали негативные чувства от возможностей самореализации собственной национальной идентичности, на треть (с 80,2% до 56,9%), позитивное явление для укрепления национальной идентичности русских в Латвии. Этот процесс отражает некоторые успехи консолидации русского национального меньшинства (например, внушительная победа блока политических партий на парламентских выборах 1999 года, последовательно отстаивающих интересы национальных меньшинств, поддержка требований национальных меньшинств со стороны международных правоохранительных организаций). Очевидно, что рост числа и доли публикаций, в которых национальная идентичность русских воспринимается как важнейшее средство успешной социализации в Латвии – важная составляющая отмеченной динамики национального сознания русских за 1990-е годы – от преимущественного внимания к идентификации внешних условий социальной и политической жизни русских – к вопросам их самоидентификации.

Далеко не случайно то, что национальное сознание русских в период восстановления независимости Латвии не было ориентировано на проблемы самоидентификации в качестве лингвистического меньшинства Латвийской Республики. К историческим преременам конца 1980-х – начала 1990-х годов в какой-то степени была готова только небольшая часть из русских Латвии, главным образом некоторые представители творческой интеллигенции, вступивших в Народный фронт Латвии. (Один из них – писатель и драматург В.Дозорцев был членом Думы Народного фронта, лично убеждал М.Горбачева признать независимость ЛР.) Ценности идентичности интеллигенции на тот период времени оказались более востребованы в русском сознании, чем идентичность всей русской национальной группы в Латвии. Характерно, что предпринятая газетой «СМ-сегодня» в марте 1992 года попытка дискуссии сторонника идеи «национальное государство – национальные меньшинства» проф. Л.Дрибинса и оппонента этой идеи публициста А.Гильмана в дальнейшем не была продолжена.¹⁴

Б. Цилевич, один из членов Народного фронта Латвии, а в последствии – яркий публицист русских изданий в Латвии, депутат Сейма, в начале 1990-х годов также был приверженцем подобных взглядов. Он не видел позитивных возможностей европейской модели национальных меньшинств для русских в Латвии: “В Латвии эта модель (“коренная нация + меньшинства”) не работает и работать не может – опять же в силу чисто арифметических причин. Традиционные для Европы понятия, связанные с меньшинством, в наших условиях позволяют решить только очень ограниченный круг проблем. Более адекватно можно описать общество современной Латвии вообще без использования понятия “меньшинство”, например, как состояние на 99% из двух примерно равных численно лингвистических групп”.¹⁵ Такой

национальной группе, по мнению Б. Цилевича, должно соответствовать космополитическое сознание: “ Позиция космополита... гораздо лучше совмещается с гражданским самосознанием русскоязычного балтийца, чем... позиция русского националиста ”.¹⁶

Претензии к эксцессам латвийской этнополитики с осени 1991 года высказываются в русской прессе чаще всего от лица обиженного сознания русского интеллектуала, некогда сочувствующего национальному возрождению латышей. В этих сентенциях превалировал нравственный ригоризм и практически не ощущалась потребность в развитом правовом дискурсе. (Черта русской интеллигенции, подмеченная еще известным правоведом Б.А. Кистяковским в 1909 году в сборнике “ Вехи ”). В. Дозорцев писал: “ Главная функция интеллигенции – быть критерием нравственности народа. Вообще-то все проблемы восходят к проблеме нравственности ”.¹⁷ Публицист С. Николаев также видел в ценностях сознания интеллигенции основу существования русских Латвии: “ Русский человек по природе не националист. Он привык уживаться с другими народами, он с ними хорошо себя чувствует. Русский интеллигент ищет родство духовное, а не кровное. Где здешние культурные русские искали общество себе подобных? Среди латышей и евреев... ”.¹⁸

В становлении идентичности русских как национального меньшинства Латвии ориентация на ценности русской интеллигенции была исторически неизбежным этапом. Слово и дело интеллигенции не позволили прерваться диалогу русских и латышей, исторической традиции связи русских и Латвии в сложный период восстановления независимости ЛР. В условиях слабости национально – культурных обществ, политических партий, экономических и политических структур русского населения, именно интеллигенция взяла на себя роль представителя национальных интересов русских. Но формирование новой национальной идентичности русскими Латвии, как показало время, проходило в том числе и благодаря преодолению нравственного максимализма сознания, что сопровождалось объективным переструктурированием социальной системы нового общества, где рыночная экономика вымывала целые пласты не только русской, но и латышской интеллигенции, и которая уже не могла претендовать на роль единственного представителя (и даже заместителя) гражданского общества.

Но уже к 2000 году в публикациях русскоязычных изданий Латвии основное внимание стало уделяться проблемам развития идентичности русского национального меньшинства. Именно в сохранении социальных функций русского языка в латвийском обществе, прежде всего в системе финансируемого государством образования, учёные, публицисты, общественные деятели и политики видят главное средство обеспечения русской национальной

идентичности.

В Латвии за 1990-ые годы сформировались традиции образования в школах национальных меньшинств – украинцев (Украинская средняя школа Риги), евреев (Еврейская школа “ Хабад Любавич ” в Риге), эстонцев (Рижская Эстонская средняя школа), литовцев, поляков. Но такие подходы к сохранению идентичности иные, чем у большинства русских. Эти национальные меньшинства не настаивают на том, что именно язык этнической родины служит основой идентичности национальных меньшинств. Так в Украинской школе основные предметы преподаются на украинском и латышском, в Еврейской – на русском, в Эстонской – на латышском и эстонском и т.д. Русская общественность Латвии не может принять для русского национального меньшинства такие модели сохранения национальной идентичности.

Если для многих нацменьшинств введение нескольких учебных предметов на родном языке – явный прогресс по сравнению с системой образования, господствовавшей в советское время, то для русских предлагаемые Министерством образования и науки с 1999 года 4 модели билингвального образования, которые предусматривают постепенный переход преподавания большинства учебных предметов на латышский язык, - неприемлемы.¹⁹ Именно стремление сохранить себя как лингвистическое национальное меньшинство обусловила явный подъём активности русских общественных организаций и политических партий Латвии в конце 19990-х годов.²⁰

Среди таких событий выделяется I Вселатвийская родительская конференция “ Учиться на родном языке ”, проведённая Латвийской ассоциацией в поддержку школ с обучением на русском языке в ноябре 2000 года. Впервые русская общественность Латвии, учителя, учёные, родители школьников, желающих учиться на родном языке, смогли провести такую встречу, число участников которой составило 386 человек. Конференция выдвинула такие цели как “ дать возможность налогоплательщикам, представляющим национальные меньшинства Латвии, организованно выразить и обосновать свою потребность в образовании на родном языке и предложить альтернативные образовательные модели, которые действительно могли бы готовить детей из семей, относящихся к национальным меньшинствам Латвии, к жизни в многонациональном и много культурном обществе ”.²¹ Эти цели конференции поддержали известные общественные деятели Латвии, в том числе и представители либеральной части латышского общества.

Последовательная позиция русской общественности в сохранении своей лингвистической идентичности не осталась незамеченной для других национальных меньшинств Латвии – белорусов и украинцев. В 2000 году в ответ на принятую Сеймом ЛР “ Стратегию интеграции в Евросоюз ”, которая предусматривает в целях интеграции латвийского общества , “ переход всех

финансируемых государством школ к обучению на государственном языке”. Многие русские общественные организации, а также Союз украинцев Латвии, Белорусское общество “ Прамень ” выступили с совместным заявлением, в котором квалифицировали принятый документ “ как попытку ассимиляции учащихся ”. В качестве необходимых мер, предотвращающих ассимиляцию нацменьшинств, славянские общественные организации Латвии считают необходимым “ Принять Закон о защите национальных и лингвистических меньшинств, в котором особый вес придать образованию на языках меньшинств... Ратифицировать Рамочную конвенцию Совета Европы о защите нацменьшинств... В Законе об образовании ЛР дать гарантии получения школьного образования (основного и среднего) на языках национальных, а также лингвистических меньшинств Латвии ”.²²

Лингвистическая идентичность русской молодёжи.

Установка русских на развитие собственной лингвистической идентичности в целом не противоречит складыванию многообразия жизни латвийского гражданского общества. Однако такое представление, к сожалению, не всегда встречает понимание в Латвии и даже среди части ее национальных меньшинств, в том числе и некоторых русских. Особо эта проблема является важной для русской молодежи Латвии, для которой успешная социализация не в последнюю очередь связана с способностью гибко связать требования законов о государственном языке, образовании, гражданстве и естественное желание сохранить свою этническую и языковую самобытность.

В русском молодёжном сознании Латвии сложилось два неодинаковых по количеству приверженцев мнения по вопросу о необходимости выработать русскому национальному меньшинству идентичность, которая бы отличалась от общелатвийской идентичности. Большая часть русских людей выступает за необходимость такой национальной идентичности, значительно меньшая часть – скептически настроена или даже выступает против таких попыток.

Автор в 2000 году в нескольких частных высших учебных заведениях Риги с русским языком обучения провёл исследование, в котором участвовало 70 студентов. Студентам было предложено изложить в свободной форме свои мысли по вопросу “ Каково на ваш взгляд будущее национальных меньшинств? ” В результате обработки материала были выявлены группы респондентов – большая по числу отождествила себя с национальным меньшинством, меньшая – предпочла либо не акцентировать свою принадлежность к одному из национальных меньшинств страны, либо открыто

высказалась против какой – либо идентичности национальных меньшинств, отличающейся от общелатвийской (и даже латышской) идентичности. К тому же были выявлены основные идеи, который были включены в эти типы отношений к проблеме национальной идентичности.

Ниже указаны основные идеи, встречающиеся в сознании русской молодёжи как сторонников особой идентичности национальных меньшинств в Латвии, так и противников.

Идеи, которые встречаются у респондентов, сторонников особой идентичности национальных меньшинств в Латвии (таблица показывает число респондентов, указавших такие идеи)

1.	Национальные меньшинства – те группы, которые испытывают дискриминацию в социальной, правовой сфере, области языка, образования, культуры	19
2.	У национальных меньшинств и их языков в Латвии нет будущего	14
3.	Признание необходимости латышского языка как государственного	14
4.	Государство должно предоставить русскому языку правовой статус	15
5.	Несоблюдение прав национальных меньшинств может вызвать их эмиграцию	8
6.	Культура межнационального общения требует приоритета общечеловеческих ценностей перед национальными	8
7.	Права национальных меньшинств тесно связаны с правами человека	5
8.	В Латвии особо тяжело чувствуют себя пожилые люди из нацменьшинств	5
9.	Правительство создаёт условия для вытеснения русского языка из социально – культурной сферы	8
10.	Нелепый характер идентификации статуса постоянных	

Comment [U1]:

	жителей Латвии в их паспортах (“Alien “ – чужой (англ.))	4
11.	Будущее Латвии неразрывно связано с нацменьшинствами и их языками	6

Наименее редко (всего по одному разу) респонденты в качестве важных маркеров идентичности национальных меньшинств указали:

- национальный язык – это тот, на котором человек думает;
- языки меньшинств формируют богатство страны и личности;
- если Латвия вступит в Европейское Сообщество, то русский язык получит поддержку;
- самобытность национальных меньшинств не противоречит политике интеграции общества;
- необходим особый статус русского языка в местах компактного проживания русских в Латвии;
- в обострении межнациональных отношений повинны обе стороны – государство и национальные меньшинства;
- русские в Латвии – историческая общность людей;
- русские великий народ, и он справится с любой неблагоприятной для себя ситуацией;
- Россия забывает русских в Латвии;
- образование на неродном языке приведёт к замедлению психического развития;
- в Латвии исторически происходило взаимовлияние русской и латышской культур;
- близость России – важнейший фактор, позволяющий сохранить идентичность русских в Латвии;
- трудно представить в качестве своих друзей латышей.

Идеи, которые встречаются у респондентов, противников представлений об особой идентичности национальных меньшинств, отличающиеся от общелатвийской идентичности.

1.	Латышский язык необходимо учить, т.к. живём в Латвии	5
2.	Социальное продвижение человека в Латвии зависит от знания государственного языка	4
3.	Число русофонов в Латвии резко возросло после II мировой войны	3
4.	Язык национальных меньшинств может развиваться в семье	3

5.	В Латвии должен быть только один государственный язык – латышский	2
6.	Языки национальных меньшинств в Латвии останутся, пока живы их носители	2
7.	Создание национально – культурных обществ – признак возрождения национальных меньшинств	2

Приверженцы взглядов о необходимости национальными меньшинствами Латвии подчёркивать свою национальную идентичность считают, что таковая должна проявляться в общественной, культурной жизни страны, должна получить и правовую защиту законодательства. В то время как противники особой идентичности национальных меньшинств в отличие от общелатвийской идентичности склонны локализовать её в семейно – бытовой сфере. Высказанные русскими молодыми людьми взгляды о будущем национальных меньшинств и их языков в Латвии показывает, что такие взгляды в целом интегрированы в модель “ национальное государство – национальные меньшинства ”.

За десятилетие, прошедшее с момента восстановления независимости Латвии, новая политическая реальность получила абсолютное доминирование в сознании нацменьшинств. Конечно, острая критика утвердившихся принципов взаимоотношений государства и нацменьшинств сопровождает большинство высказыванию людей, считающих необходимым сохранить в Латвии свою идентичность как национального меньшинства. Но среди такой критики не находит понимание идеи сепаратизма, конфронтации с Латвийской Республикой. Очевидно, что если латвийская политическая элита действительно желает развивать гражданское общество в стране, то нацменьшинства должны стать важным субъектом этого процесса.

Стремление людей сохранить свою идентичность национальных меньшинств Латвии отвечает плюралистическим принципам гражданского общества. Интеллектуальный дискурс этих людей по сравнению с тем, кто выступает против идей о необходимости особой идентичности нацменьшинств, оказывается наиболее идейно богатыми. Именно в таком сознании утверждаются взгляды о необходимости латышского языка как государственного и правовая защита языков нацменьшинств, прежде всего русского языка, как наиболее распространённого. В сознании людей, выступающих против идеи об особой идентичности нацменьшинств вообще отсутствует даже такое распространённое в европейском либеральном сознании понятие как “ язык национального меньшинства ” и представления о правовых гарантиях его развития в демократических государствах. Сознание людей, стремящихся сохранить свою идентичность как национальных меньшинств чутко к проблемам соотношения национальных (локальных) и

гуманистических (универсальных) ценностей, прав человека и прав национальных общин, демографических, психологических, социокультурных особенностей взаимоотношений латвийского государства и нацменьшинств, к проблеме связи и различия латвийской государственности и понятие национальной элиты, к вопросу о семиотических особенностях, утвердившихся в Латвии официальных клише в отношении самой большой части русского населения страны (как и впрочем других нацменьшинств) – постоянных жителей, не являющихся гражданами ЛР и т.д.

Сравнивая наиболее и наименее распространённые маркеры идентичности национальных меньшинств, стремящихся к сохранению, легко заметить, что национальная идентичность выступает формой самоопределения людей в сложных межнациональных, политических, социальных и лингвистических отношениях современной Латвии. Национальная идентичность – это идейная форма консолидации русского меньшинства, претендующего на достойное место в гражданском обществе. В то время как наименее востребованными маркерами идентичности национальных меньшинств оказываются те, которые несут либо воспоминания об исторической традиции, которая сейчас проблематизирована или открыто поставлена под сомнение (“ русские в Латвии - историческая общность людей ”, “ русские – великий народ, и он справится с любой неблагоприятной для себя ситуацией ”, “ в Латвии исторически происходило взаимовлияние русской и латышской культур ”, “ близость России – важнейший фактор, позволяющий сохранить идентичность русских в Латвии ”), либо такие маркеры, которые культивируются узким профессиональным сознанием психологов, политологов, социологов (“ необходим особый статус русского языка в местах компактного проживания русских в Латвии “, “ национальный язык – это тот, на котором человек думает ”, “ языки меньшинств формирует богатство страны и личности ”, “ образование на неродном языке приведёт к замедлению психического развития ” и т.д.)

Дискурс национального сознания тех национальных меньшинств, которые скептически настроены в отношении идей об особой идентичности, отличающейся от общелатвийской (и даже латышской) выглядит несамостоятельным и бледным. Основные идеи этого дискурса почерпнуты из той части латышского сознания, которая отрицает какое – либо усложнение структур гражданского общества Латвии за счёт создания самостоятельных коллективных идентичностей национальных меньшинств, принимающих активное участие в формировании общелатвийской идентичности. Такое сознание игнорирует опыт современной Центральной и Восточной Европы, где созданы успешные модели взаимодействия, (в том числе получившие законодательное оформление) общенациональной и локальной идентичности национальных меньшинств, предполагающих интегрирование языков и культур

этих национальных групп в широкое социальное пространство гражданского общества²³. Причём такое сознание небольшой части русского и иных национальных меньшинств занимает маргинальные позиции даже в сравнении с латышским либеральным сознанием, критикующим утвердившуюся с 1991 года практику вытеснения социальных возможностей идентичности национальных меньшинств преимущественно в частную жизнь, семейно – бытовую сферу.²⁴

Как показали десять лет восстановленной независимости Латвии, русское национальное меньшинство лояльно настроено по отношению к латвийской государственности. Но вопросы лояльности не должны подменять необходимости обогащения многокультурного гражданского общества, в котором русские обладают правом самостоятельного выбора национальной и языковой идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Национальные и этнические группы в Латвии – Рига, 1996, с.8;
2. *Apine I., Volkovs V.* Slāvi Latvijā.- Rīga, 1998, 143 lpp.;
3. *ibid*, 220-228 lpp.;
4. *Volkovs V.* Krievi Latvijā – Rīga, 1996, 26-27 lpp.;
5. *Гидденс Э.* Социология- М. 1999, с.235;
6. *Volkovs V.* Krievi Latvijā – Rīga, 1996, 25. – 39. lpp.;
7. *Сенир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. 1993,с.538;
8. См. напр.: *Архангельская Э.* Устойчив ли консерватизм в языке диаспоры; *Язык диаспоры: Проблемы и перспективы (Материалы III международного семинара – М.,2000, с.312;*
9. *Latvijas demogrāfijas gadagrāmata – Rīga, 2000, 37 lpp.;*
10. там же, 155.lpp.;
11. Подсчитано нами по *Latvijas demogrāfijas gadagrāmata – Rīga, 2000, 146 lpp.;*
12. Подсчитано нами по *Latvijas demogrāfijas gadagrāmata 1992,- Rīga, 1993, 180 lpp.;*
13. *Гильман А.* Мы сменили один тоталитаризм на другой?...- СМ-сегодня, 11 января 1992 года;
Цилевич Б. Концепция национального государства: заветам Ленина верны?- СМ-сегодня, 29 января 1992 года;
Цилевич Б. Каждый выбирает для себя - СМ-сегодня, 1 февраля 1992 года;

14. *Гильман А.* Эта странная страна - СМ-сегодня, 6 марта 1992 года;
15. *Цилевич Б.* Чтобы объединиться – надо размежеваться - СМ-сегодня, 7 июня 1992 года;
16. *Цилевич Б.* Мы, космополиты... - СМ-сегодня, 19 июня 1992 года;
17. *Петропавловская А.* По гамбургскому счёту - СМ-сегодня, 15 декабря 1992 года;
18. *Николаев С.* Кресты памяти - Панорама Латвии, 21 августа 1992 года;
19. *Бухвалов В., Плинер Я.* Проблемы и перспективы интеграции учащихся школ национальных меньшинств в латвийское общество – Рига, 2000, с. 22-30;
20. См.напр.: *Аршавская Т.* Куда идёте, национальные школы? – Образование и карьера, 26 января 2000 года; Совместное заявление - Образование и карьера, 23 февраля 2000 года; I Вселатвийская родительская конференция “Учиться на родном языке” – Новая газета, 28 ноября 2000 года;
21. Обращение в поддержку Латвийской родительской конференции “Учиться на родном языке” - Образование и карьера, 22 ноября 2000 года;
22. Совместное заявление - Образование и карьера, 23 февраля 2000 года;
23. См.напр.: *Bruner G.* Nationality Problems and Minority Conflicts in Eastern Europe – Gutersloh, 1996;
24. См.напр.: *Muiņieks N.* Valstiskā apziņa: kritēriji un pazīmes; *Janelsiņa-Priedīte A.* Latviešu valodas apguves valsts programmas nozīme sabiedrības integrācijā - Pilsoniskā apziņa, Rīga, 1998.